

Сергей ДЫМОВ
Елизавета ДЫМОВА

*ВЕЧЕР
У КАМИНА*

Сергей ДЫМОВ
Вечер у камина

«Издательские решения»

ДЫМОВ С.

Вечер у камина / С. Дымов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855457-5

Книга личного опыта, личных переживаний и размышлений. Первый литературный опыт авторов. Опыт, выраженный в прозе и рифме.

ISBN 978-5-44-855457-5

© ДЫМОВ С.
© Издательские решения

Содержание

От авторов	6
Сергей Дымов	7
Вечер	7
Я вас любил	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Вечер у камина

Сергей Дымов
Елизавета Дымова

© Сергей Дымов, 2017

© Елизавета Дымова, 2017

ISBN 978-5-4485-5457-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Вниманию читателя предлагается книга двух авторов, две части – прозаическая и поэтическая. Два автора в присущей им своеобразной манере делятся своим жизненным опытом, своими мыслями и переживаниями. Это первый опыт авторов, и они надеются, что читателю он будет интересен.

Авторы выражают искреннюю благодарность замечательным людям, участвовавшим в создании этой книги. Их поддержка и помощь сыграли решающую роль в появлении книги.

Сергей Дымов

Вечер

Мысли – замкнутый круг. Убежать бы от себя куда-нибудь. Изболелось сердце. Но что мне делать, кто мне поможет и когда? Как мне заставить себя понять, что каждое утро – это радость моего бытия, что небо цвета незабудки – это великое счастье.

Вот и сейчас, тихим ранним утром, по пустынной и пыльной дороге уносит автобус меня все дальше и дальше от пропахшего дымом заводских труб неуютного города в первозданную тишину. Мелькают березки-золушки, ждут своей доброй феи-тучи, чтобы радостно о чем-то зашелестеть листьями под нежным прикосновением летнего ветерка.

Кончается лес. Автобус вырывается на широкий зеленый простор. Последние метры. Остановка. Недовольно фыркнув, автобус покатил дальше. Видимо, обиделся, что из-за одного пассажира пришлось останавливаться. Узкая черная дорога тянется через зеленое поле озимой ржи. Солнце начинает подогреть. Где-то в вышине поет свою песню жаворонок. Вдали вырастают крыши покосившихся старых избышек. В одной из них ждет меня мама. Стоит у изгороди и напряженно смотрит на дорогу. Дождалась. Заходим в неказистый домик. Сидим за столом, пьем чай с городскими булочками, что я привез в своем рюкзаке. Потом беру удочку и бреду по берегу извилистой и мелкой речушки. На крутых поворотах русла образовались небольшие омуты, забрасываю удочку. Клюет моментально. В некоторых местах просто сижу на берегу. Отдыхаю. Стремительно снуют ласточки, высоко в небе лениво кружит коршун.

Через несколько часов возвращаюсь с уловом. Рыбешка мелкая, но мама терпеливо ее чистит.

К полудню солнце накалило воздух, но в избе хорошо, прохладно и я засыпаю на маминой кровати. Просыпаюсь от маминого голоса, что готова уха и пора садиться обедать.

Вечером сидим на завалинке. На проводах две шеренги ласточек отдыхают после трудового дня. Вдали над полем низко планирует лунь. Солнце садится хорошо, горизонт чист, значит, завтра опять будет жаркий день.

Мама разминает натруженные руки.

– Ох, все ломит, все болит, пора костями на место. Всех сестер и братьев схоронила, самой пора.

– Да ладно тебе, мам. Успеется. Один знаменитый певец сказал, что к Богу опозданий не бывает. Лучше расскажи мне что-нибудь.

– А ничего почти в жизни-то хорошего и не было.

– А мне интересно.

– Да я и сама тут в одиночестве часто перебираю в памяти прошедшую жизнь. Все, что раньше было, хорошо помню, а теперь память не та стала. Бывало, все песни знала, всех перепевала. Часто вот пела: «Любил он с удочкой сидеть на бережке...» Да и забыла многое. Теперь вот без палки и до соседки дойти не могу, а как плясала раньше-то. Да... Коль охота, так слушай.

Дед твой приехал на Урал из Вятской губернии. Построил большой дом и эту вот избышку-теплушку. Дом-то старший брат мой Василий разобрал и увез, когда задумал уехать из деревни. Ты дядю Васю-то помнишь, ведь.

– Да. Хороший был старик. Добрый, тихий.

– Может быть. Ну, вот. А эта избышка так тут и осталась. В ней и дед твой умер. Семья-то большая была. Детей только семь душ. Я – самая младшая. Отец в земле не любил копаться.

Вон под косогором баньку смастерил, да в ней и занимался ремонтом всякой утвари. Народ эту баньку «фабрикой Тимофея» звал.

– Значит, я потомственный фабрикант.

– Ну-ну. В речке раньше золотишко промышляли. Отец и ремонтировал инструмент здешним старателям. Может, и ему золото перепало, да все мимо пальцев уходило. Любил он женщин да вино. Шутник был, любил разыграть кого-нибудь, на выдумки разные горазд. Несерьезно жил.

А мать вот свою не помню. Два года мне было, как она умерла. Люди говорили, что добрая да тихая была, никого никогда не обидела. Да ведь кто что скажет. Разные они, люди-то... вот так под лавкой в избе и сидела я. Найдется добрый человек, принесет кусок хлеба или воды, молока. Отец-то гулял да веселился. До семи лет так я и воспитывалась. А в семь лет отдали меня в няньки, хотя саму еще надо было нянчить... А хозяйка моя, Макарьиха, злая уж больно была. Бывало, качаю ребенка-то, да так под зыбкою и сама усну, а она придет и пинками разбудит. Видишь, есть чем мне детство вспомнить. Потом уж у какой-то другой хозяйки нянчилась. А как 12 лет исполнилось, отец отдал меня в люди, в село Никольское, попу нужна была работница. Хозяйство у них большое было. Как сейчас помню, две коровы, телка, две лошади, овцы, свиньи, куры, утки. Да детки малые, двое. Вот и вставала я спозаранку, как только все успевала. Видно, здоровая была, деревенская, крепкая. Попадья, правда, всегда жалела меня: бедная, мол, моя, горемычная... спасибо и на этом. К концу дня с ног валилась, засыпала как убитая. Только и радости было, что иногда в деревню дня на два отпускали. Приезжала к старшей сестре, да тоже гулять-то попридерживали, мужик у нее строгий был, порядок любил. Не очень разгуляешься. А потом в город меня взяли. Одна из сестер в городе в людях жила, вот меня по ее просьбе и взяли в один богатый дом. Работы было поменьше, но порядки построже. Хозяева нас не очень-то замечали, сынку их прислуживала, хороший мальчик такой, в гимназии, видимо, учился и меня немного гармоте научил. Говорят, он сейчас директор театра в городе, тоже уже старый. Вот бы повидать... да разве нас помнят.

А в двадцать лет просватали меня за Федора из нашей деревни. Старшая сестра постаралась. Мол, хватит мыкаться по людям. А у меня другой дружок-то был, Андреем звали. Когда приезжала в деревню ненадолго, то встречались мы с ним. Помню, однажды глубокой осенью переходили реку, а бревна-то, лавы называют их, уже льдом покрылись, скользко было. Вот бы тогда нам сорваться да утонуть. Видно не суждено было. Вот и вышла замуж за Федора. А Андрей уже тогда болен сильно был, через полгода после моей свадьбы и помер. На свадьбе был у меня, так смотрел, один раз даже за руку схватил... поздно уже было. Приданое кой-какое сестры помогли собрать, что-то сама заработала. Вот и стали мы с Федором поживать. Так-то хороший он был, правда, крутоват. Через год ребенок родился, Мишей назвали. Тут беда подоспела: заболел Федор, сильно захворал, умер вскоре от чахотки... И осталась я, горемычная, вдовой в 22 года с маленьким ребеночком на руках. Не на кого было надеяться, только на себя. Два года управлялась с хозяйством, хоть и небольшое, а все одной тяжело. Умывалась каждый день горячими слезами да Мишу растила. Старшая сестра стала уговаривать меня на новое замужество. Нашелся какой-то мужик в соседней деревне, тихий да скромный. Боялась я второй раз выходить, больно горько было за судьбину свою и ребенок у меня, как-то будет к нему относиться. Но жизнь заставляет... так и второй раз замужем оказалась. Мужик оказался работающий, тоже был из большой семьи, жили они бедно. В германскую войну ранен был, прихрамывал на правую ногу. По характеру был шипун, молчал все больше, но упрямый, промолчит, а сделает по-своему. Стали жить, к Мише он неплохо относился, не обижал. Вскоре уехали мы в лес, километрах в пятнадцати от села. Назначили моего мужика лесником. Место глухое, но красивое, две речушки там, дом большой. Поди помнишь?

– Смутно. Высокое крыльцо, две большие березы нарпотив, перевернутая бочка, в которой собаки жили.

– Так, только крыльцо не высокое, березы небольшие. Тебя маленького увезли оттуда. Вот там мы и жили, дети пошли, один сын, второй... а перед войной и ты родился. Всё сыновья рождались, а дочерей не было. Как бы сейчас хорошо дочку-то иметь. Что с вас, парней-то, а она за мной бы и присмотрела. Женам-то вашим я ведь не нужна, обуза только. Судьба уж моя такая. А тогда жить стали хорошо, всё появилось, старшие ребята в школу ходили, на лыжах бегом в село, далековато было все-таки. С тобой любили все нянчиться, баловали. Бывало, ляжешь на койку и кричишь: «Качайте!» Большой уже был. Ребята охотились, ружье было, собаки. Правда, весной зверя не били. Бывало козу дикую догонят на лыжах по насту, погладят и отпустят. Она бедная, дрожит вся, стельная ведь. Баловались, конечно. Да что с них взять, дети. Отец целыми днями на лошади по лесу кружит, стога сена проверяет, да и другие дела у него. Я по дому управлялась: корова, овцы, ты еще маленький. За всем присмотр нужен был. Жили неплохо. Отец не пил, не курил. Михаил уехал в город, стал работать на заводе... да тут эта война-лихоманка, будь она проклята...

– Не плачь, ма. Прости, растревожил тебя.

– Ничего... Много лет уже прошло, а все – как сейчас. Миша сразу добровольцем ушел на фронт, восемнадцать ему уж было. А через год получили похоронку... Скончался от ран в госпитале... Писал в письмах, чтоб ружье не продавали... Думала, с ума сойду, а вот до сих пор дожила. Зачем только? Потом и до отца твоего дошла очередь. Решил он в лесу нас не оставлять. Купил дом в рабочем поселке Горный, недалеко от города. Крайний на улице, речной домик был. Да ты уже это должен сам хорошо помнить. Десять лет в том доме прожили. Перевез нас отец, да на войну отправился.

– Я помню, как на телеге ехали очень долго. Дождь начался. Меня чем-то укрыли, а когда телега наклонялась на неровной дороге, мне почему-то в рукав куртки заливалась вода. Как сейчас чувствую, даже холодно стало.

– Может, и дождь был, не помню. Как в тумане всё было. Вас троих ведь еще надо было поднимать. Вот и мыкалась. Весной и осенью на полях в совхозе горбатилась, да и по дому все надо было успевать, накормить, напоить, обиходить. Коровы-то жалко было лишиться. Кормила и поила нас. Без нее умерли бы с голоду. А с ней, матушкой, лебеду-то не ели. Вскоре старший-то из вас уехал в город работать. Средний оформился электриком на рудник. Ты в школу пошел. Им-то двоим не до учебы, жить на что-то надо было. Взрослыми становились. От отца последнее письмо получили в апреле 45-го года. Через несколько лет выдали бумагу, что он – без вести пропавший. Пенсию на тебя начислили аж 182 рубля, это на нынешние 18 рублей. А я еще лет двадцать ждала: вот найдется, вот придет... Не верилось, что его нет. Так и не дождалась. Уже косточки его, наверно, истлели, а все не верится... Ребята выросли видные, вроде неглупые, да какие-то неудачливые, непутевые. Женились, потом оба разошлись. Средний решил куда-нибудь поехать работать подальше от родного дома. Говорят, в детстве видно, что в ком заложено. Он маленький был, плохо еще говорил, а уже бывало соберет в какой-нибудь старый чемоданишко какие-то свои игрушки и лопочет, дескать, поехал «лёко-лёко», далеко, значит, а сам уйдет за печку и сидит там несколько часов, потом выходил счастливый, довольный, улыбался. Как только терпения у него хватало сидеть за печкой. Вот в 23 года и собрал он уже настоящий чемодан. Деньги нужны стали в дорогу. Где взять? Пришлось продать нашу кормилицу. Все равно уже сено заготавливать мне стало тяжело, а помощников-то нет. Ты еще мал был, да и хилый рос, все болел. Вот и уехал средний-то мой. Раз в год стали приходиться письма, то с Волги, то из Средней Азии, потом из Сибири, Белоруссии. Десять лет путешествовал, в какой-то экспедиции работал. Напутешествовался. Уже много лет живет у теплого моря. Что-то только в гости не приглашает. Да Бог с ним. Лишь бы ему было хорошо. А то вот старший пристрастился к вину и все у него прахом идет. Семьи нет, живет Бог знает как. А ведь тоже всё было. Захотелось ему машину купить, продал дом. С тобой переехали в барак, потом на квартиру к знакомым старикам. Закончил ты семь классов и уехали мы с тобой к нему

в город. Да недолго пожили там. Жене его не очень нравилось, что два рта еще добавилось, детей-то у них не было. Тогда нашли в деревне недорогой домик, я и переехала в родные места, а ты остался у брата. Учиться надо было тебе дальше, хорошо, хоть тебя оставили. Он ведь так-то заботливый, услужливый, душа у него добрая, вот только вино сгубило. Да что уже теперь поделаешь...

Вот и под старость лет никакого покоя. Тот домишко сгорел во время грозы, а я продолжаю маяться. Судьба привела в дом, в котором родитель мой скончался. Здесь, наверно, и мне помирать суждено. Здоровья совсем уж нет, да и откуда ему взяться после такой жизни. Теперь бы и пожить спокойно, да где уже, вся жизнь исковеркана. Двое на войне остались. Одни в дальней стороне, другой в вине себя топит, у тебя здоровья нет и за всех вас болит сердце... А уже пора и на место... Засиделись мы с тобой, солнышко уже закатилось, прохладно стало, комары начали есть... Ох, опять мне долго не уснуть, растревожила себя воспоминаниями...

Декабрьским солнечным днем хоронили мы со старшим братом мать на тихом деревенском кладбище. Съехались племянники, ближние и дальние родственники. Средний брат не приехал, далековато от самого синего в мире моря, да и зимней одежды у него нет. Ни к чему, говорят, она там.

Снег сверкал на солнце до боли в глазах. Глаза слезились, может быть, не только от белизны снега. Легкий ветерок шевелил серебро моих волос.

Я вас любил

В жизни много бывает встреч, а в памяти остаются только некоторые из них. Они и откладывают свой отпечаток на наш характер. Особенно это касается молодости, когда, не имея жизненного опыта, мы оцениваем события однозначно и прямолинейно, с максимализмом юности. В эти годы мы часто принимаем минутную влюбленность за вечную любовь. И в случае неудачи романтическое очарование переходит в жесткое разочарование. Одни после этого становятся злее, циничнее, другие, наоборот, добрее, отзывчивее, милосерднее. Какое же сердце имел Великий Поэт, сказав:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.
И вот через многие лета я вспоминаю о своих влюбленностях и увлечениях.

Нина

Первая любовь ко мне пришла в седьмом классе. Мы жили тогда с мамой в рабочем поселке, школа была единственная на весь поселок, поэтому отдельного обучения, как в городе, не существовало.

В нашем классе училась девочка с изумительными глазами. Как в тех поэтических строках: «И взор ее сияет эмалью голубой...» нет. Эмаль – это что-то глянцевое, холодное, а у Нины глаза были нежно-голубого цвета, как лепестки незабудки. Когда она смотрела на меня, сердце мое замирало, слова застревали в горле. Вспоминается забавный эпизод из школьной жизни. Нам задали выучить стихотворение Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Дома, когда учил стихи, забавлял близких, переставляя буквы в словах. И вот, на уроке вызвали к доске, и я выдаю на одном дыхании «Чтоб отомстить неразумным Захарам...» класс грохнул от хохота, учительница, еле дыша, сквозь слезы спросила «Чем же провинились перед ним Захары?» мне было стыдно и обидно, но когда я увидел, как заливается смехом Нина, остался доволен собой. Хотя дальше читать мне не разрешили.

Нина была удочерена из детского дома, устроенного в годы войны в нашем поселке для эвакуированных из Ленинграда детей. Местные жители почти всех детей забрали в свои семьи. Детдом расформировали, оставшихся детей перевели в городской детский дом.

И вот в конце учебного года мы узнали, что Нину отыскала родная мама, которая выжила в блокадном Ленинграде и летом Нина уезжает к ней навсегда. Я понял, что, наверняка, Нину больше не увижу и решил через ее подружку передать записку. Я просил сообщить адрес и разрешение писать письма. Ответа я не получил. То ли подруга не передала записку, то ли Нина не захотела отвечать. В тот же год мы с мамой переехали жить в город.

Нину я видел еще один раз. На следующий год в летние каникулы она приезжала в гости к приемным родителям. Тем летом я тоже был в поселке. Молодежь собиралась вечером на лесной поляне у горы, обычно разводили большой костер, играл баян, пели, танцевали. Мы с моим другом Виктором решили сходить на это мероприятие. Там я и увидел Нину. Она стояла в окружении каких-то мальчиков, красивая, с новой прической, нарядная, довольная вниманием. Мы с Виктором долго не задержались и двинулись по домам. Время было позднее, темно, улицы не освещались. Шли по дороге, вдруг нас быстрым шагом обогнала Нина, без всякого сопровождения. Окликнуть ее мы почему-то постеснялись. Больше Нину я не видел, хотя Виктор при наших редких встречах считал своим долгом сообщать мне о Нине. Она каждый год приезжала в гости к приемным родителям, сначала одна, потом с мужем и детьми, потом с внуками. В одну из наших встреч Виктор сказал, что Нины больше нет на этом свете.

Через много лет, проезжая мимо дома, в котором жила Нина, я всегда испытываю какую-то тихую грусть. Словно я, не найдя, потерял что-то.

Ира

Это знакомство было непродолжительным. Как обычно, лето я проводил в родных местах. Остановился у дальних родственников. Они жили в бараке, но с торца были пристроены чуланчики для всякой мелочи и рухляди. Летом там вполне можно было ночевать. В чуланчике стояла кровать, тумбочка, стул, было проведено электричество. У меня получился одноместный люкс в бараке.

У тети Маши была дочь – Люся, одного со мной возраста. Мы стали звать друг друга по-книжному – кузен и кузина. Люся познакомила меня со своей подругой Ирой. Недалеко от барачков была большая поляна, на которой были сделаны качели, лавочки. Днем там играли дети, вечером собиралась молодежь. Именно там мы с Ирой гуляли вечерами. После наших посиделок Ира шла домой, они с сестрой жили в соседнем бараке. А однажды Ира осталась у меня в чуланчике. Вытянувшись в две струнки, мы лежали в кровати. Но ночь брала свое и мы уснули. Утром Ира быстро убежала домой. Так повторялось несколько раз. Потом Ирина перестала выходить гулять вечерами и мы не встречались.

Как-то поздно вечером мы с двоюродным братом Сашкой ехали на велосипеде. Я сидел на раме. Неожиданно мы врезались в камень на дороге, я пролетел через руль, Сашка упал, разбив колени и локти. Невдалеке на опушке леса в сумерках мелькали какие-то тени, мы слышали голоса и женский смех. Одна из теней направилась к нам, это была Люся. Она беспокоилась о нас, сильно ли мы расшиблись, нужна ли помощь. От помощи мы отказались, а компанией поинтересовались. Люся назвала ребят, года на два старше нас. В той же компании была Ира.

Это знакомство дало мне понять, что я задержался в детстве. Ира же была девушкой, которую не устраивали «вздохи на скамейке и прогулки при луне». Дальнейшей судьбой Иры я не интересовался.

Мари

Вообще-то ее звали Римма, но это имя мне почему-то не нравилось. В нем было что-то жестокое, авторитарное. А когда скороговоркой произносишь «Римма», то слышится «Мари».

Увидел я ее все в том же поселке. На одной из окраин, как обычно, собиралась местная молодежь. Среди собравшихся были две явно не местные девушки, одна очень высокая, вторая – маленькая. У бывшей одноклассницы я спросил, кто они. Лена сказала, что маленькая приехала из города к родственникам, погостить, а высокая – ее подруга. Лена посоветовала особо на них не заглядываться, так как провожатые у них имелись. Я последовал ее совету и не стал пытаться познакомиться, а вскоре по каким-то своим делам уехал в город.

Через некоторое время в городе по просьбе друга Виктора я куда-то сопровождал его младшую сестру Зою. И вдруг, неожиданно-негаданно нам навстречу идут две девушки, высокая и маленькая. Зоя была с ними знакома и остановилась поговорить. Познакомились, представились друг другу: Римма, Валя, Сережа, условились вечером погулять по городу.

Так начались наши встречи. Сначала гуляли втроем, потом я стал встречаться только с Риммой. Виделись раза два в неделю, у Мари были дополнительные занятия, еще тренировки, она играла в баскетбол. К поздней осени встречи стали еще реже. Я скучал, Мари мне очень нравилась, она напоминала «неизвестную» Крамского: пышные каштановые волосы, карие глаза... Я попросил Мари объясниться и в ответ получил записку. В ней Мари сообщала, что посоветовалась с подругой по поводу наших встреч. Валя ей сказала, что сейчас не время для увлечений, так как у них выпускной класс, нужно готовиться к экзаменам и т. п. Я понял, что если девушка советуется с подругой, то молодой человек для нее не представляет особого интереса. Больше на свиданиях я не настаивал. Мои приятели, которым Мари тоже нравилась, часто предлагали позвать ее и прогуляться по «броду», но я всегда категорически отказывался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.